

Нам говорят: — Не устоите.
И точно знают: устоим!
Нам говорят: — Перегорите!
Мы: — Не дождетесь! — говорим.
Хотя казалось: силы нету,
Перевелись богатыри.
Но лишь проснулся лучик света,
И встали мы по всей земли.

Хоть, чтобы рухнула Держава,
Чтобы ее на «нет» известь,
У стариков отняли Славу!
У молодых отняли Честь!
И кто слабей, тот сразу предал.
А кто сильнее — занемог.
Но потянулись к Пересвету,
Кто Пересвета вспомнить смог.

И как страна ни уставала,
И как сейчас не устает,
Но оказалось: нас немало,
Кто Родиной ее зовет.
Кому ничьей земли не надо,
Лишь Русской ты не тронь Земли.
Кому и гибель, — как награда,
Когда за други, за свои.
Нам говорят: — Перегорите!
И знают: не перегорим.
Нам говорят: — Не устоите.
И точно знают: устоим!

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

*Николаю Иванову.
Это он подарил мне сюжет.
Так делают 9 мая каждый год
белгородские вдовы,
поминая своих мужей.*

И вот тогда, когда взорвутся грозы,
И ливнями проплачутся поля,
И расцветут стыдливые березы,
Сережками озвучив тополя,
В девятый день трагического мая
Крестьянки в поле вынесут столы
И выдохнут, года перебирая:
«Когда ж вернешься, милый мой, с войны?!»
Где вязли танки, где снаряды выли,
Где в небе высь не достигала дна,
Они который праздник приходили
Сюда, где похоронена война.
На этом поле Скорби и Печали
Победа с Богородицей вдвоем
Пред женщинами русскими молчали.
А женщины молчали о своем.
Их не уговорили похоронки.
Они, на стол поставив хлеб и снедь,
Садятся вместе на родной сторонке
За горизонт и на небо смотреть.
Нет, не летают ангелы над ними.
Торжественный не раздаётся хор.
Но в этот день с любимыми своими
Они ведут безмолвный разговор.

* * *

Памяти Анатолия Федулова

В этой энергии жизни и света
Тьма в уголочке присела под вечер.
Ждет, что на Севере кончится лето.
Белые ночи уйдут в бесконечность.
Белые ночи на белые зимы
Тьма уговаривает подмениться.
Так ей цветные ей юные лица.
Так нелюбимы ей юные лица.
В этой энергии счастья и чуда
Горе накинуло дымку тумана,
Чтоб не узнали — приходит откуда,
Чтоб не корили: зачем ты так рано?
Горькое горе — на сладкие вишни.
Падают вишенки, как неживые.

Ты извиняешься: видишь, как вышло?!
Вдруг превращаясь в цветы полевые.
В сердце тихонечко просится вечность.
Мне говорят, что тебя уже нету.
Тьма в уголочке присела под вечер.
Ждет, чтоб на Севере кончилось лето.

* * *

Лишь солнышко по небу скатится,
Как вынесут звезд осветить.
Ты тут же подумай: сумятица.
Пора небеса запретить.
И позже подумай за ужином:
Чего-то неведомо жаль.
Не пепел, а черное кружево —
Черемухи черная шаль.

Ты впредь обо мне не расспрашивай.
Тебе моя повесть — пустяк.
Но, где ничего тебе страшного,
Мне страшно и боязно так.
Пророк — обязательно баловень,
Как ни был бы он одинок.
Земля — обязательно палуба.
Поэт — обязательно бог.

Ни слова из песни не выбросить.
Ни дня из судьбы не отдать.
И жизнь, словно дитяtko, выносить.
И дальше ее передать.

* * *

И кого это в наши края занесло?
То-то снег всю неделю валил.
Станный вечер. Какое сегодня число?
И о чем он со мной говорил?

Знаем-знаем, уж пожили в досталь и мы:
Нагляделись, набрались ума.
Что за прихоть — являться в начале зимы,
Разгребая стихов закрома.

То-то станет от жарких речей горячо.
То-то сердце забьется не в такт.
— Положи мне, хозяйюшка, ягод еще.
Не гляди недоверчиво так.

И кого это в наши края занесло?!
А уж весел, и ласков, и мил.
Станный вечер. Какое сегодня число?!..
То-то снег всю неделю валил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Памяти О.К. Мирошниченко-Кулагиной

Так ты, Дальний Восток, не дождался, что мама вернется.
Что уснет навсегда, не услышав дыханье твое.
Нам она о тебе говорила, как будто о солнце.
Что горело в душе и всю жизнь согревало ее.

Нам она говорила: там люди живут по-другому.
Океан не дает мелочиться. И лгать — не моги!
И мы видели берег другого совсем окоема.
А купальницы наши у них называли жарки.

И кета продиралась, хребтами прижавшись друг к другу,
К нерестилищам вечным. И дыбился Владивосток.
И ходили суда по экватору, словно по кругу.
И всему настоящему там начинался исток.

Ключевская дымилась. И гейзеры стадом веселым
Норовили пробиться на волю, сквозь замкнутый круг.
И сплетались сюжеты во мне, как Хасан с Халхин-Голом.
И Дерсу Узала почему-то мерещился вдруг.

Все потом оказалось и яростнее, и страшнее.
И коснулось семьи. И коснулось романтиков, нас.
Только я до сих пор по-другому смотреть не умею
На родимую землю, где мама моя родилась.

ДВА ВОПРОСА

А ну, попробуй не ответить, русский:
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки и по-французски
И по-китайски дети говорят.

Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам навеки памятью дано —
Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?

А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты все считаешь, что живешь в аду?

А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете?
Ты все еще считаешь, что в раю?

Да пусть идут! Кто хочет — пусть уходят.
Готовят паспорта и корабли.
А то, как дрожжи бешеные, бродят
И пузыри пускают на земли.
Пусть все уйдут, кому Россия — сука,
И не жена она кому, не мать.
И мы тогда обнимемся друг с другом
И скажем: «Слава Богу! Хватит спать!»

Не упрекая и не сожалея,
Сомкнем ряды и, поглядев вокруг,
Мы вспомним все, что любим и умеем.
И будет отдыхать нам недосуг.
Вам не понять, чего Россия стоит.
И почему ее не предаем.
Мы говорим: «Оставьте нас в покое
И бросьте умирать». Мы не уйдем.

Вы все украли. Вот и успокойтесь.
На золотом живите этаже.
Водой вашей мертвою умойтесь —
Живая не поможет вам уже.
И рухнут технологии и фейки.
И вдосталь нарожаем мы детей.
Мы Родину поднимем без копейки
Своей любовью к Родине своей.